

УДК 821.111 (73) – 31 Воннегут. 09

М. В. Богун

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Сочетание комического
и трагического модусов повествования
в романе Курта Воннегута о войне
«Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»**

Богун М. В. Стаття «Поєднання комічного та фантастичного модусів оповідання в романі Курта Воннегута о війні «Бойня номер п'ять, або Хрестовий похід дітей». Специфіка застосування комічного в драматичному модусі оповідання про війну за головним звучанням роману «Бойня номер п'ять, або Хрестовий похід дітей» виявляє головні заходи комічного та його смислове значення, що дає підставу свідчити про тенденцію письменника до художнього синтезу.

Ключові слова: «Бойня номер п'ять», воєнний роман, Курт Воннегут, комічне, фантастика, художній синтез, сатира, гумор.

Богун М. В. Стаття «Сочетание комического и трагического модусов повествования в романе Курта Воннегута о войне «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей». Специфика использования комического в трагическом модусе повествования о войне по основному звучанию романа «Бойня № 5, или Крестовый поход детей» выявляет основные приемы комического и его смысловую роль, что дает основание говорить о тенденции писателя к практике художественного синтеза.

Ключевые слова: «Бойня №5», военный роман, Курт Воннегут, комическое, фантастика, художественный синтез, сатира, юмор.

Bogun M. V. The article "The combination of comic and science fiction narrative modi in the war novel "Slaughterhouse – Five, or The Children's Crusade" by Kurt Vonnegut". Specific character of the usage of comic elements in the dramatic war narrative modus according to the main perception of the novel "Slaughterhouse – Five, or The Children's Crusade" shows the main technique and semantic role of its comic structures thus making the ground to speak of the author's tendency towards art synthesis.

Key words: "Slaughterhouse-Five", war novel, Kurt Vonnegut, comic elements, science fiction, art synthesis, satire, humor.

Два романа Воннегута – «Мать Тьма» ("Mother Night", 1962) и «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» ("Slaughterhouse – Five, or The Children's Crusade", 1969) сюжетно-тематически связаны с событиями Второй мировой войны. Интересно отметить, что тематическая общность привела к любопытному художественному приему: в «Бойне номер пять» в одном из эпизодов, связанных с Дрезденом, появляется главный герой романа «Мать Тьма» Говард У. Кемпбелл – младший, американец, ставший нацистом, под слегка измененной фамилией – Говард У. Кэмбл. Он приезжает на дрезденские боины с целью вербовки американских военнопленных в придуманный им «Свободный американский корпус», который, по его замыслу, должен был сражаться на стороне немцев против русских. Идея «Свободного американского корпуса», кратко упомянутая в романе «Мать Тьма» самым героем, получает развернутое объективированное описание в романе «Бойня номер пять».

Тем не менее, романы разительно отличаются друг от друга и масштабом проблема-

тики, и своеобразием создаваемого художественного мира, и сферой комического. Роман «Мать Тьма» написан от первого лица, от имени главного героя, американца Говарда У. Кемпбелла, анализирующего драматизм собственной судьбы, самым непосредственным образом пересекающейся с политикой и важнейшим событием мировой истории – Второй мировой войной, и в конечном итоге принимающего решение уйти из жизни.

Жестокость войны и порожденная ею драма сознания и трагедия самого человека находится в центре и романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», едва ли не самого знаменитого романа писателя.

С момента своего появления «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» стала своего рода эмблемой творчества Воннегута. Ее появление и все последующие переиздания неизменно сопровождались восторженными отзывами, которые как бы уже стали частью самой книги. Вот лишь некоторые из них: «...Книга, которую хочется читать и перечитывать... Курт Воннегут – младший на-

стоящий писатель» (цитата из «The New York Times Book Review»); «...действительно эффективнейший из когда-либо написанных выпадов против войны» («Time Magazine»); «...замечательная книга... лучшая из написанных им» («Saturday Review»).

И, наконец, развернутая оценка, помещенная на обложке романа, где он характеризуется как «величайший нетрадиционный роман, основанный на собственном опыте писателя (по оценке Грехэма Грина, «одного из лучших ныне живущих американских писателей»). ...Герой романа – американский солдат, которому удалось пережить бомбардировку [Дрездена] и выйти из нее живым столь же успешно, как и из последующих приключений, в конце концов примиряется с жизнью, которая царит на Земле. Но не примиряется с ней Воннегут, и в этой замечательной книге он выражает свое крайнее возмущение» [см.11:293].

Переведенный почти сразу же на русский язык [первые его публикации появились уже в самом начале 1970-х годов – «Новый мир» (1970. – № 3–4)], он привлек внимание многих советских американистов, таких, например, как Н. Анастасьев, Т. Денисова, А. Зверев, М. Мендельсон, А. Мулярчик, Р. Орлова и др.

Так, уже в первом отклике на роман – послесловии к журнальной публикации Р.Орлова отмечала необычную структуру этой книги (и лирическая проза, и «роман в романе», и современный роман, «в котором причудливо переплелись разные пласты повествования», а «вся структура «развинчена», все сдвинуто, все снято со своих мест» [5:179, 180]. На эту же особенность «Бойни номер пять» обращает внимание и Н. Губко, называя ее «Антивоенным романом»: «Это – очень сложное произведение и по материалу, и по художественной структуре. Рассказать его содержание нелегко – все держится не на сюжете в его обычном значении, а на тончайших художественных ассоциациях, неожиданных и парадоксальных» [2:220].

А. Зверев определил его идейный смысл как «предостережение против «глупости» всех, кто слишком быстро забывает «такие дела», и против «глупости» взбесившегося рационализма, которым в первую очередь Воннегут склонен объяснить дрезденскую трагедию» [см.:4:62].

В. Дмитрук в свою очередь видит особое значение «Бойни номер пять» в том, что она открывает «период творческой зрелости

в эволюции писателя» и что в ней Воннегут, продолжая разработку уже поднятых им проблем, обращается и к новым проблемам, и к новым выразительным средствам. «Здесь, – полагает он, – с большой жизненной силой и на новом жизненном материале обличается милитаризм, его античеловеческая сущность, неуклонно углубляющаяся дегуманизация человека, духовное обнищание общества, обесценивание человеческой жизни» [3:12].

О. Полухин, наоборот, усматривает в этом романе продолжение «темы иррациональности жизни и отражающих это модернистских теорий, выраженных в представлениях тральфаматорцев и оправдывающих пассивное отношение к жизни главного героя Билли Пилигрима» [6:15].

Философскую окрашенность проблематики «Бойни номер пять» усматривает и И. Титаренко в работе «Ідейно-філософська специфіка романів К. Воннегута 1950–1960-х років та проблема жанру». Так, например, она пишет, что и «Механическое пианино», и «Бойня номер пять» объединены прежде всего «обращением к проблеме индивидуального существования, что определяющим началом при решении противоречий между личностью и отчужденным от нее социумом выступают имманентные, экзистенциальные факторы» и что «страдания человека на войне (в романе К. Воннегута. – М. Б.) следует толковать как страдания каждого, кто пребывает в этом мире» [7:70].

Не вдаваясь в суть кажущейся дихотомии в оценке идейно-художественной проблематики романа, отметим только, что его художественное содержание дает основание для обоюродного рода суждений – социально-критической и философско-экзистенциалистской направленности. Это характерно и для американской критики, о чем свидетельствуют приводимые выше высказывания. Приведем в этой связи еще одно. Т. Тэннер в своей книге об американской литературе 1950–1970-х годов «Город слов», в разделе, посвященном творчеству Воннегута, сравнивая сложность его мироощущения с кафкианским, утверждает, что в «Бойне номер пять» писатель «с достаточной ясностью, экономностью и масштабностью дал определение природы и внутреннего содержания «потрясенного сознания» [9:201].

Относительно извлечения возможных уроков из Дрезденской катастрофы Воннегут

говорил об этом так: «Я сам был в центре событий и узнал только то, что война может привести людей в такую ярость, что они сожгут и сотрут с лица земли великие города, а также уничтожат все население». А дальше следует весьма примечательный пассаж, выдержанный в духе гротеска: «Жестокость в Дрездене, необычайно дорогая и тщательно продуманная, была настолько бессмысленной, что на всей планете только один человек остался после нее в выигрыше. И этот человек – Я (Воннегут имеет в виду полученные за роман гонорары)» [10:301,302].

Жестокость и бессмысленность (или «глупость», используя определение А. Зверева) – вот два отправных момента, два зерна, из которых произрастает «Бойня номер пять», подобно тому, как из гнева Ахилла вырастает гомеровская «Илиада». Отсюда, с одной стороны, «потрясенность сознания» главного героя романа, определяющая его «раздерганность» и «слегка телеграфически-шизофренический стиль, как пишут на планете Тральфамадор» (“somewhat in the telegraphic schizophrenic manner of tales of the planet Talfamadore”). А с другой – комедийно-сатирическое начало, объектом которого становятся различные формы проявления социальной, а может быть, и экзистенциальной глупости и бессмысленности. Трагическое и комическое переплетаются, создавая по определению Т. Хмельницкой, «причудливую ткань» прозы (имеются в виду романы «Колыбель для кошки» и «Бойня номер пять»), состоящую из «какофонии трагического и смешного, иронического и странного, сплава анекдота, парадокса, репортажа, издевательского конферанса, полемических намеков на современные условия существования» [8:245].

В отличие от романа «Мать Тьма» комическое в «Бойне номер пять» захватывает значительно более широкий круг явлений социальной действительности: и апологию войны и милитаризм, и агрессивную внешнюю политику США, и американский образ жизни с его «поразительным, беспрецедентным явлением – ...огромным количеством бедняков без чувства собственного достоинства», и «искренним выражением ненависти к беднякам» [1:116]; и искусство, отказывающееся от служения обществу; и поставленные на поток порнографию и разные формы сексуального извращения. Подвергаются осмеянию стихия и природа зла, кото-

рой писатель придает не только социальное, но и экзистенциальное измерение.

Как и в предыдущих романах, Воннегут в «Бойне номер пять» традиционно использует взаимодействие в основном комического и трагедийно-драматического модусов повествования. Остановимся на характерных приемах комического, используемых писателем в данном романе.

КОМИЗМ ПЕРСОНАЖЕЙ, раскрываемый не только в прямых описаниях, но и в поступках, речах, заявлениях, интенциях, которые приписывает этим персонажам автор, как всегда дополняется у Воннегута комизмом деталей, сравнений эпитетов, шуток и шуточных стихотворений, смешных имен и названий, искажений, абсурдных и нелепых предложений, объяснений, пародирования. Приведем несколько примеров.

КОМИЗМ ОПИСАНИЙ И СМЕШНЫХ ДЕТАЛЕЙ. Вот как Воннегут описывает глупую и малограмотную жену одного из оптометристов на вечеринке у Билли: «Женщина она была глупая, но от нее шел неотразимый соблазн – делать с ней детей. Стоило любому мужчине взглянуть на нее – и ему немедленно хотелось начинить ее кучей младенцев. Но пока что у нее не было ни одного ребенка. Контролировать рождаемость она умела» [1:144] (“She was a dull person, but a sensational invitation to make babies. Men looked at her and wanted to fill her up with babies right away. She hadn’t had even one baby yet. She used birth control” [11:147]). Или: «Билли включил свет. Роберт сидел на унитазах, спустив пижамные штаны. Через плечо, на ленте, у него висела электрическая гитара. Он ее купил в этот день. Играть он еще не умел, впрочем, он так никогда играть и не научился. Гитара была перламутрово-розового цвета» [1:148].

КОМИЗМ СРАВНЕНИЙ:

– «Снаряд вжикнул, как молния на брюках самого Вседержителя» [1:49] (“The gun made a ripping sound like the opening of a zipper on the fly of God Almighty” [11:30]).

– «Капрал рванул шинель и куртку на груди у Вири. Пуговицы запрыгали, как жареная кукуруза» [1:63] (“He tore open Weary’s overcoat and blouse. Brass buttons flew like popcorn” [11:47]).

КОМИЧЕСКИЕ ЭПИТЕТЫ, ИМЕНА И НАЗВАНИЯ составляют в романе незначительную группу. К комическим эпитетам можно отнести такие, как «эскрементальный фести-

валь» (“the excrement festival” [11:113]), «Эдгар Дарби, весь исполненный унылого патриотизма, немолодой усталости и воображаемой мудрости» (“Edgar Derby, mournfully pregnant with patriotism and middle age and imaginary wisdom” [11:130]).

Что касается имен основных персонажей, то во всех них ощутим определенный элемент комической семантики: Билли Пилигрим (паломник), Роланд Вири (утомленный), Поль Лаззаро (бездельник, лентяй), Эдгар Дарби (Derby – котелок), бригадный генерал и профессор Рэмфорд (Rumford, где первая часть слова имеет значение «чудной», а также «ром»), автор научно-фантастических романов Килгор Траут (Trout – форель), английский военнопленный «Золушкина крестная – Голубая фея» (“Blue Fairy Godmother”).

КОМИЗМ НАЗВАНИЙ в романе использует редко, в частности, можно указать такие: «Клуб львов» (“The Lions Club”), «брат по крови» (“Blood brother”) – надпись красной краской на стене разрушенной бакалейной лавочки; бассейн «Мирный» (“Peace Lagoon”); «Всегерманское объединение служителей мест заключения» (“German Association of Prison Officials”); журнал «Киски-полночицы» (“Midnight Pussycats”) и, естественно, названия некоторых романов Килгора Траута – «Маньяки четвертого измерения» (“Maniacs in the Fourth Dimension”), «Чудо без кишок» (“The Gutless Wonder”).

Из других приемов создания комического в романе можно указать на КОМИЗМ ПОСТУПКОВ, заявлений и угроз отрицательных персонажей Вири и Лаззаро, комизм поведения подвыпившего Билли, упорно ищущего и не находящего руль в своем автомобиле, поскольку он ищет его, сидя на заднем сиденье [см.: 1:58].

Таким образом, анализ одного из романов Воннегута о войне с точки зрения роли комического в его художественно-смысловой структуре позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, комическое в них выступает наряду с трагическим, как важнейшая идейно-эмоциональная доминанта, определяющая его специфический художественный модус, который можно определить как трагикомический.

Во-вторых, комическое расширяет сферу художественно осмысливаемой действительности. Конкретная ситуация – мятущаяся со-

весть невольного преступника против человечества в романе «Мать Тьма» и «судороги сознания» человека, травмированного чудовищной бойней войны в «Бойне номер пять» – посредством комедийно-сатирического модуса сопрягается с модусом трагедийно-драматическим, вовлекая в ткань повествования актуализированные пласты действительности и подвергая их смеховому разоблачению (антигуманизм американского образа жизни, жестокость, агрессивность, нравственная распущенность, разгул порнографии, уход искусства от общественной роли и т.п.).

Что касается фантастического начала, то оно выполняет в романе двойную функцию. С одной стороны, оно, как и в других романах, используется как материал для создания комических ситуаций и эффектов (сцены пребывания Билли на планете Тральфамадор). С другой же стороны, фантастическое расширяет философскую и нравственную проблематику романа, усиливает трагическое звучание темы войны как одного из проявлений абсурдности мироустройства (вставные научно-фантастические романы Килгора Траута, с которыми Билли знакомит заглавный герой романа «Да благословит вас Бог, мистер Розуотер», волею автора оказавшийся в одной госпитальной палате с Билли). Именно через сюжеты научно-фантастических романов Килгора Траута с необычайной силой звучит тема Иисуса Христа, тема осуждения жестокости и призыв к милосердию (роман «Космическое Евангелие»).

Написанный, по заявлению самого автора, «в слегка телеграфически-шизофреническом стиле», то есть формально как бы в стиле постмодернизма, роман тем не менее являет собой оригинальный синтез глубоко гуманистического художественного осмысления одного из самых трагических событий Второй мировой войны и ее последствий на судьбы людей. Ибо хотя в романе, по словам автора, и «нет особой связи» между отображенными в нем событиями, «нет ни начала, ни конца, ни напряженности сюжета, ни морали, ни причин, ни следствий», но все элементы так тщательно отобраны, что в целом дают общую картину жизни, прекрасной, неожиданной, глубокой» [1:86]. В этом и заключается специфика воннегутовского творчества, которое по глубинной своей сути являет собой самобытный образец художественного синтеза.

Литература

1. Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей, и другие романы / К. Воннегут ; [пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой ; вст. ст. А. Зверева]. — М. : Худож. лит., 1978. — 725 с.
2. Губко Н. Антивоенный роман Курта Воннегута / Н. Губко // Звезда. — 1971. — № 6. — С. 220—224.
3. Дмитрук В. В. Творчество Курта Воннегута : социально-критические тенденции, жанр, поэтика : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.05 / В. В. Дмитрук / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. — К., 1984. — 24 с.
4. Зверев А. Сказки технического века (Курт Воннегут : от предвещения к реальности) / А. Зверев // Вопросы литературы. — 1975. — № 2. — С. 32—66. 5. Орлова Р. О. О романе Курта Воннегута [послесловие к роману «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»] / Р. О. Орлова // Новый мир. — 1970. — № 4. — С. 170—180.
6. Полухин О. В. Американский интеллектуальный сатирический роман 70—80 годов XX века : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.05 / О. В. Полухин / Моск. обл. пед. ин-т. им. Н. К. Крупской. — М., 1990. — 24 с.
7. Титаренко У. Л. Ідейно-філософська специфіка романів К. Воннегута 1950—1960 років та проблема жанру / У. Л. Титаренко. — Харків, 2002. — 95 с.
8. Хмельницкая Т. Сложный путь к простейшим истинам / Т. Хмельницкая // Новый мир. — 1971. — № 4. — С. 245—250.
9. Tanner, Tony. City of worlds. American Fiction 1950—1970 / Tony Tanner. — New York, 1971. — 464 p.
10. Vonnegut K. Palm Sunday / Kurt Vonnegut. — N. Y., 1981. — 330 p.
11. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five / Kurt Vonnegut. — New York ; Delacorte Press, 1969. — 188 p.

© М. В. Богун, 2009